

Максим Кабир

Дядя мышь

Высадились Тереховы в аэропорту имени Никоса Казандзакиса. Любопытный Ваня погуглил: Казандзакис был крупнейшим греческим писателем двадцатого века. Что такого выдающегося он сочинил, выяснить Ваня не успел. Лиска вырвала телефон, крича:

— Опять на голых баб пялишься?

— Мам! — призвал Ваня к справедливости. — Пап, скажите ей!

Но мам-пап не услышали, замороженные пейзажем. За окнами комфортабельного автобуса плавали в мареве холмы, а справа раскинулось долгожданное море, бескрайнее, цвета бутылочной зелени, темнеющее к горизонту.

Окутанная кондиционерной прохладой, буйная пятнадцатилетняя Лиска успокоилась и вернула телефон. Она пыталась читать надписи на вывесках и билбордах: вроде буквы знакомые, но как произнести вслух? Младшие Тереховы хихикали, а старшие охали и ахали, восторгаясь красотами.

Через полчаса автобус въехал в городок с колоритными двух- и трехэтажными домами, уютными тавернами и пестрыми туристическими лавками. У супермаркета «Spar» свернул в узкие улочки, норовя зацепить зеркалами углы квадратных зданий, подолгу пропуская мотороллеры, автомобили и квадроциклы. Гид объявлял название отелей, пассажиры высаживались. Вскоре в салоне остались только Тереховы.

— «Таврос»! — сказал гид. Родители приуныли.

Отель в четыре этажа выглядел не то чтоб ветхо, но изрядно потасканно. И соседствовал он не с пляжем, не с променадом, а с пустырем, поросшим осокой, и с развалинами какого-то отнюдь не античного строения.

Ване стало жаль родителей, копивших весь год на отдых, и он изобразил энтузиазм:

— Как в кино!

Что за кино такое малобюджетное, он не уточнил.

Фойе «Тавроса» было самым обычным. Сверкающий керамогранит, хрустальная люстра, пальма в кадке. Колесики чемоданов прокатились по полу с лошадиным звуком. Папа заполнил бумаги, портгье нацепил гостям пластиковые браслеты, выдал ключ, носильщик подхватил чемоданы. И — Welcome to Crete!

Лифт оказался музейными экспонатом со складчатыми, закрывающимися вручную дверцами и медными кнопками. Настолько тесным, что на четвертый этаж Тереховы транспортировались двумя партиями. И попали в царство сумрака. Тени облюбовали коридор и лестничные пролеты, елозили по грубой фактуре стен. Но из отворенного номера хлынул свет и радостный гомон. Гомонили за окнами, которые выходили на бассейн ярко-голубого цвета. Между зданиями в десяти минутах ходьбы зеленел кусочек Критского моря.

Родители повеселели, и Ване номер понравился. Приняв душ, Лиска заперлась в комнате, которая на ближайшую неделю принадлежала ей и младшему брату, и вышла переоблачившаяся. Ваня сменил трусы на плавки, и веселой гурьбой Тереховы двинули на обед.

Там-то они и столкнулись с Дядей Мышью.

Это Лиска придумала, поглощая спагетти. Она давала прозвища всем подряд, и прозвища прилипали намертво: теперь и родители называли ее классную руководительницу Чукчей, а учительницу географии Лягушкой-Путешественницей. «Дядя Мышь, — подумал Ваня, — надо же, прямо в яблочко!»

Он с первой встречи не понравился Ване, этот грек. На входе в столовую остановил Тереховых и принялся лопотать по-английски, тыча пальцем то в полотенца, которые они прихватили из номера, то в картинки на стенде. Картинки иллюстрировали правила поведения: не бегать, не приводить собак, курить в положенных местах, носить маски и так далее. Догадавшись, чего от них требуют, Тереховы бросили полотенца в бесплатной камере хранения, но грек, который, конечно, был менеджером, причем, судя по всему, старшим, все равно выглядел сердито. Достаточно резко осведомился, из какого номера приперлись нарушители правил. Нет, он просто спросил «Room?», но про «приперлись» и «нарушителей» читалось на физиономии.

— Фо зиро севен, — сказал папа, и Тереховых допустили к олл инклюзиву.

— Вылитая мышь, — шепнула Лиска. — Дядя Мышь.

Ваня рассмеялся. Иногда он обожал сестру. Иногда ненавидел.

Постояльцы набирали еду и рассаживались за сервированные столы. Официанты приносили напитки. Пиво — папе, маме — вино, Ване и Лиске — кока-колу. Официанты и менеджеры были одеты в светло-коричневую униформу, один лишь Дядя Мышь, выделяясь из их массы, носил накрахмаленную белую рубашку и натянутые до грудины черные штаны с такими острыми стрелками, что, казалось, о них можно порезаться. Ваня наблюдал за греком, глотая ледяную газировку.

На вид Дяде Мыше было лет шестьдесят, но двигался он плавно, как танцор, ни намек на пожилой возраст. Длинные тонкие конечности и непропорционально маленькое туловище, круглый животик и узкие плечи. Седой, лысоватый, острый нос изнутри упирается в плексигласовый экран защитной маски — карантин как-никак. Лицо за прозрачной перегородкой было очень подвижным, оно непрерывно морщилось и разглаживалось, словно мышцы и морщины жили своей суетливой жизнью. Дядя Мышь скользил по столовой, будто на коньках,

отдавал указания подчиненным; если кто-то шел к прилавку с яствами без одноразовых перчаток, делал замечание. Крошечные серые глаза метались по курортникам. Наверное, он следил за тем, чтобы у всех были наполнены бокалы, чтобы за клиентами убирались места... Но Ване показалось, комичный человечек выискивает нарушителей.

И таким нарушителем стал сам Ваня. Он пошел к кофемашине нацедить какао. Дядя Мышь налетел, как порыв ветра, вырос над съезжившимся мальчиком и забубнил, указывая на аппарат. Ваня, получавший по английскому твердые четверки, расшифровал фразу «not good». Он решил, что самообслуживание не распространяется на напитки, нужно просить у официанта, а не вот так внаглую эксплуатировать имущество отеля. Тем более как он сразу не заметил, об этом предупреждали иллюстрации в углу! Ваня покраснел и сконфужено извинился, а Дядя Мышь блеснул булавочными глазами.

«Он меня запомнил», — рассеянно думал Ваня.

На выходе из столовой старший менеджер посмотрел на Тереховых как на личных врагов и разразился негромкой, но злой тирадой по-гречески. Родители ничего не заметили, а Лиска фыркнула: «Расслабься, дедуль!»

У бассейна поджаривались граждане Евросоюза. Загорали на шезлонгах, плескались в воде, перекидывались мячом. Татуированный бармен срезал ножом пенную шапку. Старшеклассники, судя по обрывкам реплик из Германии, проводили стройную Лиску присвистами и чмоканьем. Ваня, опешивший от такого количества иностранцев, поскользнулся и едва не упал на плитку. Немецкие подростки — белозубые и спортивные — разразились обидным хохотом.

Родители взяли пиво, пепельницы и устроились под деревянным навесом. Лиска, жеманничая, спустилась в бассейн. Ваня сел на прорезиненный край и свесил ноги в воду. Его смущало обилие людей, мысли возвращались к Дяде Мыше, а взор наткался на таблички, развешенные тут и там. Предметы

или изображенные действия, перечеркнутые красной линией. Нельзя, нельзя, нельзя!

— Окунись! — крикнула Лиска.

Немцы, те, что зубоскалили, синхронно с разбегу прыгнули в бассейн и обдали Ваню брызгами.

— Не хочу, — надулся мокрый Ваня.

Покупался он в море, и море было чудесным. Родители устроили фотосессию, Лиска сделала сотню однотипных селфи и загрузила десяток в Инстаграм. Пиратский фрегат с Веселым Роджером причалил в гавань, Ваня просился поплавать на нем, но папа сослался на экономию. Не сдался папа и под напором зазывал, которые за руки утягивали прохожих в бесчисленные рестораны, оккупировавшие набережную. Ужинали в «Тавросе». Дядя Мышь шастал по столовой, щурился и морщил нос, словно вынюхивал нарушителей.

Ваня проснулся ночью от ужасного шума. Это цикады устроили за окнами концерт. На соседней койке посапывала Лиска. Ваня сунул голову под подушку, но это не помогло. Скрипучая, какая-то пустотелая песнь цикад заполнила черепную коробку и вымела остатки сонливости. Оркестр под управлением незримого дирижера взметался до крещендо, чтобы распасться на дробные вокализы, дать надежду на затихание и вновь громыхнуть залпом цвириньканья. Ваня дотянулся до телефона и выяснил, что выглядят певчие цикады страшновато. Он встал и поплелся к балкону — закрыть дверь. Родители не разрешали спать с включенным кондиционером из-за того, что Лиска вечно простуживалась, но лучше уж духота, чем эта какофония. Ваня взялся за дверную ручку и остолбенел.

Луна и фонари заливали светом двор. Даже самые беспокойные и загульные постояльцы ушли в номера. Бар закрыт роллетами, шезлонги сдвинуты, убраны столы.

Дядя Мышь бежал вдоль бассейна. Он согнулся в три погибели, как бабушка, когда у той стреляла спина. Руки почти волочились по полу. Ваня прижался к балясинам и затаил

дыхание, словно опасаясь быть обнаруженным. Цикады шумели в кронах деревьев. А Дядя Мышь гнался за крысой. С балкона, с высоты четвертого этажа Ваня разглядел черного грызуна, улепетывающего по плитке.

«Спасайся!» — подумал Ваня.

Дядя Мышь схватил крысу голой рукой и резко выпрямился. Живое существо извивалось в его пальцах. А через миг живое существо стало мертвым существом. Дядя Мышь сжал кулак, и фантазия Вани озвучила сюрреалистичную сцену хрустом косточек, который Ваня, конечно, не мог услышать.

Сдохлой крысой в горсти Дядя Мышь посеменял к отелю. Оранжевые отсветы плясали на плексигласовом забрале.

Родители не поверили Ване.

— Что за ужасы ты рассказываешь! Тебе приснилось!

— Нет же!

— Хватит, Иван! — отрезал папа. — Тебе тринадцать, а не пять!

В пять лет, как вспоминали родители, Ваня нафантазировал огромного паука, якобы обитающего под кроватью.

— Я тебе верю, — шепнула за завтраком Лиска. Ваня посмотрел на нее с благодарностью. — Странно, что Дядя Мышь ту крысу не слопал, а так унес.

— Может, в норе своей слопал, — предположил Ваня, и холодок защекотал позвоночник.

Старший менеджер следил за тем, как люди набирают еду. Вдруг он вскинулся и бросился через зал — к миловидной девушке, попытавшейся вынести из столовой кусок арбуза. Дядя Мышь больше не казался Ване комичным с этими высоко натянутыми штанами и залысиной. Талдыча «not good», он указывал то на арбуз, то на дурацкие таблички. «Что такого, — подумал Ваня, — съесть арбуз у бассейна?»

Молодежь — голосистые немцы-старшеклассники — заслонили менеджера и девушку. Когда они прошли, Ваня увидел,

что девушка удаляется не солоно хлебавши, а Дядя Мышь сжимает отвоенный арбуз. Смотрит на него и всем видом мурлычет: «моя престель».

В море Ваня представлял нору менеджера. В ней висят портреты предков, которые, естественно, тоже были менеджерами. За стеклом — засушенная крыса, кусочек арбуза, полотенца. Дядя Мышь в кресле листает громадную книгу, озаглавленную: «Правила отеля».

Весь день Тереховы курсировали между пляжем и «Тавросом». Мама вздыхала, что с такими обедами потолстеет на десять кило. Папа глотал пиво и благостно улыбался. Лиска снимала ролики для Тик-Тока. А Ваня наблюдал за Дядей Мышью. Как тот спешно перекусывает, уединившись под лестницей, но не забывает посматривать на постояльцев. Как мечется из столовой к бассейну и обратно. Как отчитывает подчиненных и как подчиненные, когда он отворачивается, устало закатывают глаза. Среди нарушений, предотвращенных Дядей Мышью, была попытка искупаться в шортах и попытка взять на баре два коктейля в одни руки. Причем даже татуированный бармен показал в спину Дяди Мыши язык. Никто не любил этого помешанного на правилах суетливого человечка.

А вечером Дядя Мышь повздорил с Ваниным папой. Бар закрывался в одиннадцать, папа решил запастись алкоголем. Он припрятывал стаканы с джин-тоником под стол. Хитро, но не настолько, чтобы провести Дядю Мышь. Ваня не удивился, заметив менеджера, спешащего к их семейству. Руки Дяди Мыши были прижаты к туловищу, а ноздри раздувались.

— Not good! One person — one serving!

— Тебе-то какое дело, гестаповец?

Ваня не знал, кто такой гестаповец. Он радовался, что папа теперь тоже не любит Дядю Мышь. А еще он помнил, какими цепкими были пальцы менеджера, сжимающие арбуз. И как красный сок тек по запястью...

Папа возмущался, но Дядя Мышь долдонил про правила и таки победил. Он отобрал лишние стаканчики и под папины сердитые выкрики выбросил их в урну.

— Вы за Гитлера воевали! — рычал папа. Мама гладила его по плечу. Дядя Мышь, гордо вскинув голову, потопал к отелю, а затем побежал, видимо заметив или унюхав кого-то, нарушающего правила.

— Не воевали греки за Гитлера, — сказал Ваня, погуглив.

— Помолчи, — шикнула мама.

На следующий день папа бросил Дяде Мыше сквозь стиснутые зубы, будто проклятие:

— Фо зиро севен!

Но после завтрака Тереховы поехали на экскурсию и про вредного менеджера забыли. Вернулись поздно — ужин кончился, и родители расщедрились на ресторан. Мама и Лиска надели красивые платья, все смеялись и фотографировались, художник у античного фонтана нарисовал портрет Лиски.

Курортный городок кишел цыганскими детьми. Они кланчили евроценты или втюхивали иностранцам бисерные украшения, воздушные шарики и прочую мелочь. Раньше Лиска пугала брата, что родители продадут его в табор.

Смуглая девчонка, ровесница Вани, пролезла на территорию «Тавроса» и предлагала сидящим у бара увядшие розы. Ваня начал мысленно считать.

Два. Три. Че...

Дядя Мышь вылетел из отеля и понесся к девчонке, окольцевал ее запястье и грубо выволок за ограду.

— Not good!

Повинуясь неосознанному порыву, Ваня вышел следом. Была ночь, над крышами сверкали звезды. Родители не остановили Ваню, прилипнув к гаджетам.

Он повертелся на пустынной улице и увидел Дядю Мышь. Менеджер тащил упирающуюся цыганку к заброшенному зданию.

«В логово...» — мелькнула мысль.

Тени, маленькая и большая, Дяди Мыши и цветочницы, взмыли по белому фасаду. И тут же исчезли. Дядя Мышь втащил добычу в пустой дом.

— Чего ты здесь? — спросила Лиска, подошедшая сзади. Ваня вздрогнул.

— Дядя Мышь... девочку... туда...

— Он маньяк, — сказала Лиска и зевнула. — Идем спать, тебя мама ищет.

Ване приснился сумрачный коридор «Тавроса». Он шел... нет, плыл не по своей воле к распахнутым дверям четырехста седьмого номера. Навстречу прошаркала горничная, горбатая старуха с бородавками на подбородке. Она несла целлофановый мешок. Из мешка на пол капало багровое.

Ваня вплыл в номер, в родительскую комнату. Простыни пропитались кровью. На подушках лежали отрезанные головы мамы и папы. Ваня распахнул рот, но голосовые связки не подчинялись ему. Дядя Мышь поднялся из-за кровати, как кошмарный паук. Рубашка и маска залиты красным, липким и лоснящимся. Красным был рот под экраном, словно Дядя Мышь воспользовался помадой. Губы расползлись, оголяя волчьи клыки.

Ваня проснулся в поту. За окнами надрывались цикады. Но родители мирно спали за межкомнатной дверью, и Лиска ворочалась рядом. Ваня перевернулся на другой бок.

По пути к пляжу он отстал от семьи и несколько минут изучал белое здание, заросшее сорняком. Покосившиеся ставни, стеклянные двери, замалеванные синей краской. На крыше дырявая цистерна, а во дворе тележка из супермаркета, забитая пластиковыми баклажками. Как долго Дядя Мышь был внутри? И что стряслось с цветочницей? Он же отпустил ее, попугав?

Не отпустил.

Ваня представил цыганку: засушенную, возле других трофеев.

Из «Тавроса» вывалились гогочущие немцы. Вчера они нарочно забрали последний надувной матрас, к которому Ваня шел.

«Придурки!» — Ваня поспешил ретироваться.

Позже в бассейне он подплыл к сестре.

— Может, в полицию обратиться?

— Ты про ту девочку? Да я же прикалывалась. Ну какой он маньяк? Просто помешан на своей работе. Фанат порядка.

— Но... — Ваня поник. Лиска взъерошила его волосы, как делала очень редко. И Ваня решил: — У Дяди Мыши глаза на затылке. Он знает, когда правила нарушают.

— Проверим? — Лиска хитро улыбнулась.

— Как?

— Писать в бассейн запрещено?

— Конечно!

— Но я писаю в него прямо сейчас.

Ваня посмотрел ошарашенно на сияющую сестру.

— Нет!

— Да! И никто мне не указ!

Лиска оттолкнулась от бортика и поплыла на глубину. Ваня обернулся. Взор уперся в Дядю Мышь. Менеджер стоял в тени сосны и с ненавистью тарачился на Ваню. Кулаки стиснуты, а крошечные глазки налиты кровью. У Вани закружилась голова...

— Перегрелся? — хлопотала мама.

— Может, солнечный удар? — волновался папа. — Ноги ему подними. Подложи подушку. Не тошнит?

— Все нормально...

— Нормально! Ты весь двор облевал!

— Меня накажут? — спросил Ваня слабо.

— Никто тебя не накажет, глупый. — Мама положила на грудь мокрое полотенце. — Отдыхай.

Родители ушли. Лиска скользнула к кровати:

— Ты чего? — прошептала встревоженно.

— Он знал, — обреченно ответил Ваня. — Он смотрел на нас, он знал, что ты пописала в воду.

— Ты реально перегрелся, Ваню. — Лиска похлопала брата по плечу.

— Будь осторожна, — сказал он.

Вскоре Ваня почувствовал себя гораздо лучше, но с постели встал только под вечер. Отказался от ужина — аппетита, мол, нет — и тайком слопал яблоки, завалывшиеся в мамин сумке. Но к бару выполз — сегодня там был аншлаг, гремела музыка, на импровизированной сцене выступал чернокожий аниматор в серебристом костюме. Он пел красивым баритоном, вихлял бедрами и одаривал зрителей африканской улыбкой, а позади танцевали красивые девушки в очень коротких юбках, с голыми животами, усеянными блестками. Отдыхающие тоже пустились в пляс, а Ваня залюбовался танцовщицами.

— Глаза ломаешь, — сказала ему Лиска.

Мама с папой закружились под фламенко. Танцевали они нескладно и все равно были красивыми, какими-то ужасно молодыми, словно бы ненамного старше дочери. Через полдюжины песен в исполнении заводного аниматора Ваня осознал, что уже давно хочет по-маленькому и ерзает на стуле. Он продрался сквозь толпу, прошагал по безлюдному коридору на первом этаже «Тавроса» в туалет. И, лишь намыливая руки под краном, вспомнил Дядю Мышь. Вокруг сверкал кафель, что-то монотонно гудело, как в пещерах, которые они посещали во время экскурсии. Флуоресцентная трубка над головой зажужжала и замигала. Паника накатила удушливой волной. Спотыкаясь, Ваня выскочил из туалета, заметил табличку «Don't run» и, подавив желание бежать, пошел на ватных ногах к выходу, к музыке и возбужденному многоголосью.

Концерт окончился. У бара блондинка-танцовщица сердито возмущалась и жестикулировала в сторону щерящихся подростков-немцев. Лиска пояснила:

— Тот немецкий идиот ее по заднице шлепнул. И где твой Дядя Мышь, когда он действительно нужен?

— Вон он, — сипло ответил Ваня.

Старший менеджер сидел на корточках на деревянной кровле бара и смотрел вниз горящими в темноте глазами.

Ваня порывисто толкнул сестру. Та ойкнула.

— Опять за свое? Где, на крыше? Ты, случаем, не допиваешь после папы пиво?

Дядя Мышь пропал, и это не удивило Ваню. Ваня знал: менеджер не совсем человек. Или вовсе не человек.

Ночью Ване приснился отвратительный сон. Слово он просыпается, разбуженный цикадами, и видит Дядю Мышь. Менеджер пробрался в комнату, отворив дверь запасными ключами. Он стоит у изголовья Лискиной кровати, озаренный светом луны. Торжественная гримаса под забралом. Широкая черных брюк расстегнута и наружу торчит его пискля, похожая на дохлую лабораторную мышь, мышь-альбиноса. Ваня не мог пошевелиться, лежа на боку он смотрел, как менеджер, поднатужившись, мочится. Желтая струя разбивается о безмятежное лицо дрыхнущей Лиски.

Тьма заволокла ужасную сцену. Кошмар сменился темнотой.

Утром Лиска была подавленной и замученной, игнорировала вопросы родителей и дважды вымыла волосы. Ваня не решился рассказывать ей про сон. Сон ли?

За завтраком он поглядывал на притихшую компанию немцев. Одного нарушителя порядка не хватало. Ваня представил его заспиртованную голову в подвале заброшенного дома. Он вынул телефон и быстро сфотографировал Дядю Мышь, крадущегося между столиков.

Про немца Тереховым рассказала русская женщина, занимающая в «Тавросе» должность гестрелейшена.

— Вот и отдохнул! — сказала она. — Ночью напился до соплей, пошел бродить, видно, в яму какую упал — сам он ничего

не помнит. Вся пятая точка — сплошной синяк. Отправили в больницу, сидеть он долго не сможет.

Лиска перехватила взгляд Вани. Она хмурилась.

— Скажите, — обратилась Лиска к женщине, — а менеджер этот, пожилой, с таким носом смешным, он нормальный?

— Лучший в Греции! — уважительно проговорила гестрелейшен.

На пляже Ваня спросил Лиску:

— Поверила?

— Что Дядя Мышь маньяк-экстрасенс? Нет, конечно. Но он мне не нравится.

Ваню осенило: Лиска борется с правдой, ведь правда пахивает бредом.

— Дети, — сказал папа, вручая Ване и Лиске купюры по десять евро. — Мы с мамой вечером в клуб намылились, вам туда нельзя. Справитесь без нас?

— Ага, — сказал Ваня. — Только вы ведите себя... правильно. Папа засмеялся.

Проводив родителей, младшие Тереховы уселись с картами на кровать, но игра буксовала. За окнами только-только стемнело, гремела музыка, от бара несся пьяный гвалт, и все же возникало ощущение, что Ваня с Лиской в «Тавросе» одни-одинешеньки.

— Ерунда какая-то! — Лиска зло отшвырнула карты. — Где твои фломастеры? Дай любой. Идем!

— Куда?

— Докажу тебе, что это чушь собачья.

«Мне или себе?»

Тереховы вышли из номера. В коридоре было очень тихо. Не считая сквозняков, завывающих поблизости.

— Не надо, — пискнул Ваня, сообразив, что сестра замыслила.

— Надо, — отрезала она и написала на стене красным маркером: «Правила отстой! Хаос!».

— Это нарушение правил? — спросила она злорадно. Ваня сглотнул. — И где же Дядя Мышь? Дядя Мышь, ау!

Ваня вспомнил, как пару лет назад, дабы напугать брата, Лиска вызывала Пиковую Даму и рисовала помадой лесенку на зеркале.

— Что и требовалось доказать, — подытожила Лиска и удалилась в номер. Ваня поспешил за ней, но на пороге замешкался. В шахте лифта заскрежетало. Допотопная кабина остановилась на четвертом, на их этаже. В конце темного коридора, за поворотом, чья-то рука открыла складчатую дверь. Фантазия нарисовала менеджера, несущегося к нарушителям.

Ваня отшатнулся в ложную безопасность номера фозиро севен и заперся.

Ночью родители знатно покутили, на шезлонгах они в основном дремали. Завтра загорелые Тереховы возвращались на родину. Ваня был счастлив покинуть «Таврос».

Лискина надпись исчезла со стены. Но как Дядя Мышь стер память задиристу немецкому студенту? И сколько еще хулиганов были им наказаны за долгие годы службы? Людям свойственно идти против правил. Туристы, улетающие домой в гипсе... Пропавшие без вести туристы...

Ваня улизнул и прогулялся по променаду к античному фонтану, к уличному художнику. Объяснял жестами и куцыми фразами. Художник выслушал и, как ударник барабанную палочку, прокрутил в пальцах карандаш: «Окей».

Обедая, ужиная, Ваня следил за Дядей Мышью. А Дядя Мышь следил за беспечной Лиской. Под экраном плексигласовой маски клокотал праведный гнев. Менеджер таился в фигурных кустах у бара и в тени под лестницей, однако не смел атаковать при родителях.

Папе сошло с рук препирание с Дядей Мышью, но Ваня понимал: преступление Лиски куда серьезнее. Лиска... как его... рецидивист.

Чемоданы были упакованы, родители, погрузив насчет слишком короткого отпуска, выключили в своей комнате свет. Ваня задумал подпереть чем-то дверь, но сперва пусть все заснут. Он же твердо решил не ложиться спать сегодня. Лиска листала фотографии, а он вглядывался в полумрак, вслушивался в хор цикад, боролся с дремо...

Ваня подскочил резко.

Кровать сестры была пуста. Вопль застрял в горле. Дядя Мышь уволок Лиску в заброшенный дом!

Ваня заметался по комнате. Вывалился на балкон.

И увидел белый слитный купальник сестры. Лиска как ни в чем не бывало плавала в бассейне. Ночью! Когда плаванье строжайшим образом запрещено!

Проскользнув мимо похрапывающих родителей, Ваня на цыпочках вышел за дверь, потом побежал во весь опор вниз по лестнице, тараня грудью преграды теней. Цикады галдели в кронах. Ветерок обдувал вспотевший лоб. Пустой двор, сдвинутые шезлонги...

— Ты что делаешь?! — выпалил Ваня, подбегая к бассейну.

— Не ори! — отозвалась Лиска. Она вынырнула из воды и уцепилась за бортик. — Всегда мечтала поплавать здесь одна. А ты, — она сощурилась, — ты что же, испугался, что меня Дядя Мышь украдет?

— Пойдем отсюда, пожалуйста, — взмолился Ваня и обвел взором кусты: за каждым мог прятаться старший менеджер.

Лиска кивнула. Держась за перила, взобралась по ступенькам. Ручейки стекали по ее ладному телу, и Ване пришла в голову непривычная мысль, что сестра у него красивая, хорошая у него сестра.

Дядя Мышь выскочил из воды, подняв фонтан брызг. Он хоронился на дне, затаил дыхание и ждал. Он был терпеливым, если дело касалось наказания. Лиска начала поворачиваться. Дядя Мышь схватил ее за шею, и они оба упали в бассейн.

Arce